

УДК 94(470.51)

Суржик Ольга Сергеевна, кандидат исторических наук, начальник отдела научного использования документов, Центральный государственный архив Московской области, г. Москва, Россия
e-mail: olga-surzik@yandex.ru

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КИТАЙСКИХ РАБОЧИХ В МОСКОВСКОМ РЕГИОНЕ В 1920-Е ГГ. ПО МАТЕРИАЛАМ ЦГАМО

Аннотация. В статье на материале фонда Промыслово-кооперативного товарищества «Китайский пролетарий» рассматривается повседневная жизнь китайских рабочих в Московском регионе в 1920-е гг.

Ключевые слова: китайские рабочие в России; история повседневности; НЭП; архивы.

Olga S. Surzhik, candidate of historical Sciences, Head of the Department of Scientific Use of Documents, The Central State Archive of the Moscow Region, Moscow, Russia
e-mail: olga-surzik@yandex.ru

THE EVERYDAY LIFE OF CHINESE WORKERS IN THE MOSCOW REGION IN THE 1920S. BASED ON THE MATERIALS OF THE CENTRAL STATE ARCHIVE OF THE MOSCOW REGION

Abstract. The article examines the everyday life of Chinese workers in the Moscow region in the 1920s based on the material of the fund of the Chinese Proletarian Industrial Cooperative Association.

Keywords: Chinese workers in Russia; the history of everyday life; NEP; archives.

Судьбы России и Китая тесно переплетаются между собой. Разность культур порождает мифы [10, С.4-5], общность человечности сближает и взаимно обогащает. Во второй половине XIX века китайская диаспора существовала на дальнем Востоке. В Москве и Санкт-Петербурге китайцы появляются в начале XX века. Государь Николай II считал развитие Дальневосточного региона важной государственной задачей. В период его правления была построена Китайско-Восточная железная дорога [7, С.109-129]. В Китае велась православная миссионерская работа. В 1902 г. были канонизированы Святые мученики китайские, убитые за веру во время боксерского восстания в 1900 г. [6].

С лета 1914 г. китайские рабочие трудятся сначала в Сибири, а позднее и в Московском регионе. После революции 1917 г. часть подданных Китая уезжает домой. Те же, кому это не удалось, вступали в Красную Армию, работали в прачечных, трикотажных и кожевенных мастерских или торговле [8]. В 1920-е годы на территории СССР готовились политические и военные кадры для революционного движения в Китае, а в перспективе – и для будущей мировой революции [9, С.19] при активном участии Коминтерна [3, С.7-24].

Тема интернационализма была весьма популярна в 1920-е гг. На профсоюзных собраниях активно обсуждалась ситуация в Китае в связи с выдвинутой 23 февраля 1927 г. нотой Чемберлена. Так, 21 июня 1927 г. на собрании БЮРОБИНа (Центрального бюро по обслуживанию иностранцев в Москве при Народном комиссариате иностранных дел) тов. Кочетуров докладывал: «Все внимание Англии обращено на революцию в Китае, ибо в Китае революция – смерть империалистам<...>. Коммунисты Гоминьдана ведут пропаганду среди китайских рабочих масс, чтобы война не застала врасплох, как это было в 1914 году. Если мы будем подготовлены к обороне, то нас так легко взять не удастся. Положение китайского рабочего отчаянное, ибо налогами крестьянство обложено на 10 лет вперед. Китайская буржуазия ошиблась, ибо она надеялась на Чан-Кайши, но существует Кантон, последний

продолжает революционную работу. Революционные силы Китая объединяются и ведут борьбу против Пекина. Англия ищет себе послушную ей страну, чтобы направить против нас» [12, Л.22 об.]. Собравшиеся выдвигали требование обучать военному делу женщин в Китае [12, Л.26].

В фонде профсоюза пищевиков сохранилась фотография, на которой запечатлена китайская военная делегация на заводе «Красный октябрь» в Москве. Тринадцать молодых китайцев в форме с тремя сопровождающими славянской внешности сняты на фоне заводского механизма. Один из гостей, улыбаясь и подбоченившись, позирует на стремянке [11, Л.868].

Рис. Китайская военная делегация на заводе «Красный октябрь» в Москве

В период НЭПа в Москве создается кооператив «Гоминьданский пекарь». В 1925 г. в кооперативе трудилось от 7 до 9 человек. В октябре 1927 г. товарищество «Гоминьданский пекарь» объединяет 6 артелей, и уже через год число сотрудников превышает 110 человек [5, С.698-699]. 28 августа 1928 г. «Гоминьданский пекарь» получил название «Китайский пролетарий» [4, С.127].

В Центральном государственном архиве Московской области хранятся документы Промыслово-кооперативного товарищества «Китайский пролетарий» с октября 1928 по март 1929 гг. [13, 14, 15] – ведомости на выдачу заработной платы рабочим одиннадцати отделений, служащим и членам правления, таблицы учета рабочего времени, личные карточки членов артели.

Е.Г. Калкаев отмечает, основываясь на документах, хранящихся в Центральном государственном архиве Москвы, что в течение длительного времени, вплоть до осени 1927 г., оклад для всех членов товарищества составлял 70 рублей, затем для членов правления, сочетавших эту деятельность с основной работой, и пекарей был установлен оклад 120 рублей, для подмастерьев и продавцов – 100 рублей, для подручных – 70 рублей, оклад бухгалтера с 1928 г. составлял 225 рублей [4, С.127-128].

В документах ЦГАМО отражены те же суммы окладов, кроме оплаты труда подручных. Их оклад составил 84 рубля. Мастеру также начислялось 120 рублей [13, 14, 15]. Однако сотрудники получали на руки далеко не всю начисленную сумму. Практически у всех вычитались 10%, иногда 5% заработка в качестве займа индустриализации. 20 рублей, вне зависимости от оклада, единовременно вычитались в качестве паевого взноса. Отдельной статьей вычета был единовременный вступительный взнос, составлявший 5 рублей. Служащих набирали из не-китайцев. Помимо бухгалтера в штат входил старший счетовод с окладом 110 рублей, три счетовода с окладами 80 рублей. Оклад уборщицы составлял 50 рублей [13, Л.53]. У служащих вычитался только подоходный налог и, в случае необходимости – выплата судебному исполнителю. Председатель правления Чжан Сюй Чжи и его заместитель Даниил Иванович Якухин получали по 225 рублей. Сведения о вычетах из их заработной платы не отражены в ведомостях.

Личные карточки членов артели, напечатанные типографским способом, помимо фамилии, имени, отчества, адреса, пола, возраста и национальности, предполагали внесение информации о партийной принадлежности, членстве в профсоюзе. Все работники были мужчинами, 109 из 110 – беспартийными

китайцами. Членства в профсоюзной организации также не было указано ни в одной карточке. Возрастной состав варьировался от 23 до 46 лет, большинство работников было в возрасте 32-39 лет. В пункте «грамотность» значились подпункты: грамотный (читает, пишет), полуграмотный (читает, но писать не умеет), неграмотный (читать и писать не умеет) [16]. Личные карточки заполнял русский служащий со слов рабочего.

Основываясь на документах ЦГА Москвы, Е.Г. Калкаев писал о китайских рабочих «Гоминьданского пекаря»: «Примерно каждый седьмой был не в состоянии даже поставить свою подпись на документах: при приеме на работу они удостоверяли анкету отпечатком пальца, а в подписных листах на общих собраниях ставили крестик или просили расписаться товарищей. Большинство не понимало русский язык. На общем собрании в феврале 1928 г. было отмечено, что по-русски понимают только 18 членов товарищества, тогда как всего присутствовали 47 человек» [4, С.128]. Документы «Китайского пролетария», хранящиеся в ЦГАМО, представляют несколько иную картину. Из 109 личных карточек сведения о неграмотности и отпечаток пальца вместо подписи содержались только в 10. Как правило, это были подручные. Но среди неграмотных был один мастер. Причем, 40 из китайских рабочих написали свое имя по-русски.

Один из пунктов личной карточки требовал от заполняющего ответа на вопрос, пользуется ли он избирательным правом. Во всех карточках был зафиксирован положительный ответ. Пункт о социальном происхождении предусматривал варианты: рабочий, крестьянин, служащий, кустарь, прочее. Большинство членов товарищества «Китайский пролетарий» подчеркивали свое крестьянское происхождение, реже – из среды рабочих.

Самый развернутый пункт посвящен главному занятию до поступления в кооператив, уточняется, в качестве кого трудился человек: самостоятельного хозяина с наемными рабочими или без, помогающего члена семьи, работника по найму. Подавляющее большинство означили в качестве занятия до поступления в кооператив следующие позиции – пекарь, работник по найму. В

карточке учитывался стаж работы в профессии. У рабочих кооператива он составлял от полугода до одиннадцати лет. В карточке также указывалась специальность рабочего в кооперативе. Должность заведующего отделением была указана в четырех личных карточках, мастера – в одиннадцати, подмастерья – в четырех, продавца – в восьми, один сотрудник значился как инструктор хлебопечения, остальные были записаны как подсобные рабочие.

На вопрос о хозяйственной связи с деревней рабочие отвечали отрицательно. Положительный ответ в следующем пункте требовал конкретизации: сколько в хозяйстве всего едоков, сколько из них трудоспособных 16 лет и старше, сколько наемных сельскохозяйственных рабочих, каково число голов рабочего скота, коров, десятин земли для посева и сколько составляет сумма сельхозналога за истекший год в рублях [16].

К концу 1920-х гг. в связи с внешне- и внутривосточными изменениями многие китайцы покидают Московский регион, основанные ими предприятия закрываются. Промыслово-кооперативное товарищество «Китайский пролетарий» не стало исключением, проведя последние расчеты с работниками в марте 1929 г. [15]. 1920-е годы стали непростыми как для России, так и для Китая. В то время как китайцы оставались в Советской России, Китай стал приютом для русских беженцев, оставаясь таковым и в 1930-е гг. В 1934 г. Шанхай приехал епископ Иоанн (Максимович, будущий святитель Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский) и, увидев большое число беспризорных русских и китайских детей, организовал в 1935 г. приют во имя Святителя Тихона Задонского. Святитель Иоанн отличался большой любовью к детям и заботой о них [2, С.147-159, 178-205, 234-253, 273-277]. Приют давал сиротам не только ресурс для физического выживания, образование и возможность общаться, но и духовное окормление, отеческую заботу Святителя Иоанна, память о которой оставалась в людях всю жизнь [1, С.56-72]. Все это стало частью исторической и культурной общности российского и китайского народа. Множество источников, освещающих эту непростую и

интереснейшую страницу нашей общей истории, еще хранится неисследованными в государственных и частных архивах России и Китая.

Список источников

1. Александра (Чернявская), игуменья. Ново-Дивеево в моей жизни. Воспоминания. Одесса, 2011. 156 с.
2. Валерий (Лукьянов), протопресвитер. Святитель Иоанн в жизни молодежи и детей // Светильник Благодати / Валерий Лукьянов, протопресвитер. Изд. 2-е, доп. Jordanville: Holy Trinity monastery, 2010. 296 с.
3. Емельянова Е.Н. Советская Россия и Китай (1920–1923 гг.) // Современные исследования социальных проблем, № 4-2(28), 2016. С. 7–24.
4. Калкаев Е.Г. «Гоминьданский» хлеб. К истории китайцев в Москве второй половины 1920-х годов // Проблемы Дальнего Востока № 2, 2018. С. 122–131.
5. Калкаев Е.Г. Китайская кооперация в период новой экономической политики (артели Москопищепромсоюза и Советская власть) // Общество и государство в Китае. 2017. № 1. С. 697–705.
6. Николай Сербский (Велимирович), святитель. Китайские мученики. URL:
<https://pravoslavie.ru/orthodoxchurches/41626.htm?ysclid=mou23vt9fb505996017>
(дата обращения 01.06.2026 г.)
7. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. В 2-х т. СПб.: Петрополь, 1991.
8. Усова А.В. «Шафранная» Москва 1920-х. URL:
<https://magazeta.com/chinese-moscow-1?ysclid=mou00dzrr1305439613> (дата обращения 29.05. 2026 г.)
9. Фань Е. Роль СССР в подготовке военно-политических кадров для Китая в 1920-30-е годы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. 24 с.

10. Цао Сюэмэй. Мифологизация образов Китая и китайцев в русской прозе 1920-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 22 с.
11. Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 131. Оп. 1. Д. 868.
12. ЦГАМО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 4. Л. 22 об.
13. Там же. Ф. 6233. Оп. 1. Д. 1.
14. Там же. Д. 2.
15. Там же. Д. 3.
16. Там же. Д. 4.